

3.2.12. Противоречия «тетрахотомии» Маркса: производство – распределение – обмен - потребление.

Чрезвычайно важное место в составе, в содержании и значении для теории социалистического общества занимают противоречия в понимании Карлом Марксом диалектики отношений производства, распределения, обмена и потребления в совокупном процессе общественного воспроизводства. Эта исключительная важность побудила автора даже на конструирование нового специального термина, который, возможно, станет употребимым в научном обиходе: тетрахотомия Маркса. Впрочем, целесообразность такой новации, конечно, еще будет подвергнута тщательному обсуждению читателями.

В наиболее концентрированном виде взгляды К. Маркса на эту диалектику сформулированы им во Введении к «Экономическим рукописям 1857-1859г.». Приведем здесь краткую, но ключевую фразу Маркса из этой работы:

«Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен – особенность, а потребление – единичность, замыкающую собой целое».

Цитируется по ресурсу: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html>

В этой и других своих работах Маркс подтвердил представления многих своих экономических предшественников о том, что совокупный целостный процесс общественного производства, воспроизводства общественной жизни включает в себя, хотя и самым обширным и глубинным образом взаимосвязанные, но в достаточной степени специфические, самостоятельные стадии, этапы, фазы: собственно, производство, в узком (изготовительном) смысле слова; распределение, обмен и потребление.

Маркс подверг это представление тщательному анализу, выявил и описал обширную и глубокую диалектику содержания, форм, взаимозависимости и взаимовлияния друг на друга этих стадий. Он обосновал базовое, определяющее значение для жизни общества именно производства и сопровождающих его производственных отношений.

В некотором наглядном воплощении диалектика Маркса по поводу общественного воспроизводства может быть представлена в таблице 1 следующим образом.

В таблице представлен состав и характер отношений между фазами целостного процесса производства, диалектика которых раскрыта Марксом, как будто, исчерпывающим образом. Например, описанию диалектики, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга и даже в чем-то противостоящих друг другу производства и потребления Маркс посвятил отдельный пункт «Производство и потребление». И пришел к убеждению, что:

«Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство: Каждое непосредственно является своей противоположностью».

Маркс затвердил далее связь производства и распределения:

«Рассматривать производство независимо от этого заключающегося в нем распределения есть, очевидно, пустая абстракция, в то время, как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства».

Таблица 1.

	Производство	Распределение	Обмен	Потребление
Производство		Производство имеет своим моментом, условием, предпосылкой распределение	-	Производство есть потребление факторов производства
Распределение	Распределение есть момент и продукт производства.		Распределение есть первый этап обращения (целостного обмена)	-
Обмен	Обмен заключен в производстве и определяется производством	Обмен есть второй этап обращения (целостного обмена)		-
Потребление	Потребление есть производство самого человека	-	-	

И, наконец и в частности, как бы, подытожил анализ:

«Производство выступает, таким образом, как исходный пункт, потребление – как конечный пункт, распределение и обмен – как середина, которая, в свою очередь, включает в себе два момента, поскольку распределение определяется, как момент, исходящий от общества, а обмен – как момент, исходящих от индивидов».

Таким образом, Маркс показал, что все элементы цепочки воспроизводства находятся в множестве тонких диалектических связей. Мол, например, несмотря на то, что производство и потребление составляют крайние пункты совокупного процесса, и потребление есть потребление производительное, поскольку оно есть потребительский способ производства самого человека, субъекта будущего производства, и производство есть производственное потребление, поскольку оно есть потребление в процессе своего функционирования средств производства и человека (его рабочей силы).

И, что распределение, как общественный способ и механизм разделения средств производства по различным территориям и отраслям общественного хозяйства, и как способ и механизм общественного разделения совокупного общественного продукта по различным социальным слоям общества, есть важнейший фундамент производства.

И обмен, поскольку он является обменом деятельностью в процессе производства, обменом средствами производства, обменом продуктами, как средством производства продуктов непосредственного потребления, заключен в производстве, как его момент.

Сказано, ну, кажется, все. Хотя, как можно было заметить, некоторые ячейки сводной таблицы остались не заполненными, хотя автор старался добросовестно отразить в них все выводы Карла Маркса по рассматриваемому вопросу. А, с другой стороны, уже и при такой относительной внешней **неполноте** в анализе проблемы Маркс уже был вынужден повторяться. Маркс, например, в рассуждениях о распределении и обмене употребляет

выражения: *«распределение **распределяет**», «обмен снова **распределяет**»* (Выделено Сафончиком В.Н.).

Маркс пишет также: *«в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, **опосредствование** между производством и потреблением; в обмене они **опосредуются** случайной определенностью индивида»* (Выделено Сафончиком В.Н.).

И, далее: *«Распределение **определяет** отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам; обмен **определяет** те продукты, в которых индивид требует себе свою часть, уделенную ему распределением»* (Выделено Сафончиком В.Н.).

Понятно, что Маркс мог бы много чего еще написать и про прямую зависимость производства от обмена, и про обратную – обмена от производства. И про связь распределения с потреблением и наоборот. И про потребление, которое есть момент распределения и обмена. Только тогда он был бы вынужден повторяться еще чаще и употребить слово «тавтология» больше нынешних пяти раз.

Вообще рассуждения очередности существования и взаимного влияния фаз совокупного общественного воспроизводства в значительной мере повторяет диалектику яйца и курицы: что было раньше, курица или яйцо? Невозможно ответить на этот вопрос однозначно, пока мы рассматриваем непрерывный процесс воспроизводства яиц из кур и кур из яиц. Ибо, даже если умозрительно максимально возможно приблизиться к самому началу этого воспроизводственного процесса, к моменту появления у птицы плода, хотя бы отчасти напоминающего известное всем ныне яйцо, всегда можно опровергнуть однозначное утверждение в пользу первичности по отношению к нему снесенной ею курицы возражением такого рода, что, мол, это–то была вовсе и не курица, а нечто иное, а вот курицей стало только то, что выросло из этого «первородного» яйца.

Но этот «нерешаемый» вопрос всегда решается категорически и однозначно, если рассматривать конкретную пару - яйцо и выросшую именно из этого конкретного яйца курицу, или курицу и появившееся именно и конкретно от нее яйцо. В первой паре однозначно первичнее яйцо. Во второй паре – курица.

Так и в диалектике фаз общественного воспроизводства. Поэтому, например, то, что Маркс написал о месте и роли процента и прибыли:

«Процент и прибыль как формы распределения предполагают, капитал как фактор производства. Они — способы распределения, имеющие своей предпосылкой капитал как фактор производства. Они суть также и способы воспроизводства капитала».

можно без противоречия истине повторить применительно к взаимодействию любых других конкретных отношений различных фаз общественного воспроизводства.

Обращает на себя внимание, между прочим, и еще один нюанс. Уже в заглавии пункта I Маркс употребляет категорию «обращение» («Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)»), про которую в тексте «Введения», помимо заглавия, примечаний и пункта наброска плана в разделе «3. Метод политической экономии», содержательно сказано лишь один только раз:

«Обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом».

Спрашивается, как же все-таки **в этой работе** понимается Марксом упоминаемая вскользь категория «обращение»? Как «момент обмена»? Тогда верхняя часть таблицы 1 должна была бы выглядеть у нас так:

Таблица 2.

	Производство	Распределение	Обмен		Потребление
			Обмен	Обращение	

Или, как «обмен, рассматриваемый в целом»? В целом с чем? В целом с распределением? И тогда мы получили бы таблицу 3:

Таблица 3.

	Производство	Обращение		Потребление
		Распределение	Обмен	

Гадания, конечно, могут быть интересными. Но факт остается фактом. Маркс **черным по белому, неоднократно** писал потомкам: производство, распределение, обмен, потребление! И потомки (последователи) зарубили эту истину себе на носу. Потому, например, еще и сегодня по запросу в поисковике «производство, распределение, обмен, потребление» вы получите тысячи ссылок на материалы, бесконечно воспроизводящие эту «тетрахотомическую» последовательность.

Ну ладно еще простительная (потому, что «святая») повтороспособность теоретиков. Последователи-практики в СССР и других странах социалистической ориентации реализовали ее и в жизни со всей, что называется, «пролетарской решительностью». Довели технологию распределения совокупного продукта в обществе до сложнейшей иерархической системы государственно-бюрократических органов. А для того, чтобы было что таким героическим образом распределять, ввели систему максимального обобществления, огосударствления этого самого совокупного общественного продукта. До последней пуговицы, до последнего зернышка. И что в результате?

Это только в рекламных роликах о «вкуснейших» напитках их часто показывают, равномерно и без потерь разливаемыми в пирамиду рюмок сверху донизу. В практике же реального социализма версии 1.0 распределение материальных потоков могло местами напоминать движение воды из-за разрушающейся плотины. А чаще, в конце стагнации системы, - едва струящиеся ручейки, не достигающие конечного потребителя из-за взаимного пересечения и пересыхания потоков.

А вот в капиталистической системе жизнь текла не по теории Карла Маркса. У нее были свои теоретики. И писали они свои теории. И теории эти были одна «лучше» другой. И сменяли они одна другую, часто, не подтверждая, а, даже, опровергая предшествующие. И из этих теорий выросла современная «Экономикс», которую можно образно назвать не стройным зданием, а кучей слабосвязанных концепций, многие из которых можно назвать прямой фальсификацией экономической науки. Вот только на практике это не сильно отразилось. Потому, что практическая жизнь капиталистической системы развивалась не по этим теоретическим «шедеврам», вроде «кривых и карт безразличия» и «кривой Филипса», какими бы они не были, а независимо от них, посредством эволюционного саморазвития, под управлением «невидимой руки рынка».

Спрашивается, в чем же дело? Почему развитие капитализма без теорий, с плохими теориями и вопреки теориям, так и ли иначе, сложилось и продолжается? А бытие социализма версии

1.0 с его мощнейшей системой самого «эффективного» распределения, основанного на самой «всесильной» (потому, что верной) марксистской теории, закончилось повсеместным крахом?

Ответ может быть только один – **марксистский!** Если практика показала нежизнеспособность системы, значит теория этой системы была ошибочна. Если практика централизованно-иерархического распределения по Марксу оказалась неэффективной, значит ошибочной теория Маркса была и в части диалектики производства, распределения, обмена и потребления!

Отнесемся теперь к этой теории и этой диалектике критически. И сделать первый шаг на этом пути нам поможет ни кто иной, как величайший соратник Карла Маркса Фридрих Энгельс.

В работе «Диалектика природы» Энгельс дал фундаментальное определение биологической жизни вообще и жизни человека, в частности:

«Жизнь – это форма существования белковых тел, существенным моментом которой является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой и которая прекращается вместе с прекращением этого обмена веществ, ведя за собой разложение белка».

Фридрих Энгельс. «Диалектика природы».

Цитируется по ресурсу: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001011/st000.shtml>Ф.

И это энгельсовское «существенным моментом» подавляющее большинство из всех живших и живущий после него понимали и понимают, как **важнейшим содержанием!**

Обратите внимание, таковым является не марксово «обращение», не марксово «распределение», а «обмен». Который и Маркс вскользь упомянул (как мы указывали выше), как обмен, рассматриваемый в неведомом целом.

У Энгельса в этом базовом определении жизни есть ее субъект, субъект жизни, в частности, человек, и есть окружающая внешняя человеку природа, включающая и вещества, составляющие объекты его обмена с ней. И в нем **нет** ничего более между субъектом и природой, кроме **процесса обмена** и вещества, являющегося предметом этого обмена.

И с этим невозможно не согласиться.

Для дикого предка человека (как и для любого другого представителя биологической жизни на Земле) существовал только он сам, окружающая его природа и материальные вещества, которые он извлекал из природы в готовом виде, соединял с собой и выделял в природу обратно. И ему для обмена веществом с природой (для потребления) не был нужен какой-либо посредник ни в виде производства, ни в виде распределения, ни в виде обмена.

Со временем, однако, потребности индивидуума, осуществляющего непосредственный обмен веществом с природой, возрастали и возросли настолько, что потребовали от него самого применения сначала элементарных, а затем все более сложных орудий труда, потребовали **посредника** в виде производства. Сначала примитивного, затем, все усложняющегося производства. Поэтому прежний непосредственный обмен человека и природы стал **опосредованным**, стал опосредован собственным индивидуальным производством, стал включать индивидуальное производство.

Но и этого нашему «человекообменнику», человеку, осуществляющему с природой обмен веществом, оказалось мало. Чтобы разнообразить процесс обмена и качественно улучшить потребляемое вещество индивид нашел в окружающей его природе еще одного посредника: другого человека противоположного пола. И в их союзе возникло и развилось разделение опосредующего процесса индивидуального и индивидо-парного производства каждого, универсального индивидуального труда на отдельные и специализированные виды деятельности (в частности, охота и ведение домашнего хозяйства). Таким образом, человек обрел еще одного посредника в теперь еще более опосредованном своем обмене веществом с природой, посредника в виде другого человека и **обмена деятельностью**.

В дальнейшем, с разрастанием потребностей индивидуума и его парного союза, с развитием индивидуального и семейного производства, с развитием отношений коммуницирования индивидуумов между собой в пределах все возрастающих пространств и количественных общностей, с углублением разделения труда на отдельные виды деятельности, с увеличением разнообразия продуктов труда каждого члена той или иной общности, человек утвердился в представлении о том, что в деле его индивидуального обмена с природой чрезвычайно полезным оказывается еще один **посредник** в форме **обмена продуктами труда** между членами различных человеческих общностей.

Дальше – больше. Появились посредники в виде денег, ростовщических и банковских контор. Появились посредники в виде средств производства, машин и оборудования. В виде фабрик и заводов, церквей, школ и больниц, науки и искусства. И прочее, прочее и прочее. И обмен продуктами труда дополнился **обменом средствами производства**, обменом закладными, векселями, акциями, обменом деньгами и денег на здоровье и культуру.

И сегодня все меняется на все.

И это банальное заключение позволяет нам дать нетривиальное определение самого этого обмена. Если жизнь есть способ существования белковых тел, то **обмен есть способ осуществления жизни**. Простой жизни, как простой, непосредственный обмен. Сложной общественной человеческой жизни, как сложно-структурированный и масштабный обмен, включающий, как мы увидим далее, и распределение, и обращение.

До текущего момента мы анализировали некоторые явления обмена, инициатором, актором которых являлся сам индивидуальный человек. Но процесс его обмена с природой не в меньшей, а в существенной степени зависит и от состояния и движения самой этой природы. И она тоже активно предоставляет человеку и поводы, и основания для развития отношений обмена в новых формах.

Иссякал подземный родник, налетала саранча, выгорал от пожара лес или вымерзала до дна река (вместе с рыбой) и это побуждало человека к переселению на новые земли, к освоению новых занятий. Взрывался вулкан и пепел на месяцы скрывал солнце, меняли русла реки или выплескивалось на берег цунами, и земледельцы становились скотоводами, а рыбаки – охотниками. И так далее.

Но природа вносила свой «творческий» вклад в формирование отношений обмена с нею человека не только посредством грандиозных природных катаклизмов или сезонных явлений. Природа является неизменным и вечным поставщиком и другого **посредника** в обмене с нею человека веществом. Она предоставляет человеку другого человека, общности людей, человеческое общество.

И приходит к индивидуальному патриархальному человеку другой такой человек, и говорит, что теперь именно он будет собирать плоды с его деревьев, ловить рыбу в его ручье, стрелять дичь в его лесу. И подкрепляет свои намерения тяжелой дубиной, а еще хуже, отсутствующим у тебя луком со стрелами, или как, в случае с южно-американскими индейцами, с невиданным могучим зверем – конем и извергающими огонь и смерть палками – огнестрельными ружьями. И приходится этому индивидууму, племени, народам принимать посредничество этих субъектов и изменять характер и формы своего обмена с изменившейся внешней природой.

До сих пор мы добросовестно делали то, что делал в свое время и сам Маркс. Мы повторили вслед за ним, как он, вслед за прежними экономистами, структурирование явлений обмена с точки зрения индивидуального человека и окружающей его природы. Но подлинная новация будет заключаться в предстоящем анализе движения форм обмена в процессе взаимодействия людей с людьми.

Напомним, что мы ранее представили общую системную целостность каждого человека, как некую иерархическую («матрешечную», по аналогии с вместимостью в ней одних ее фигур в другие) и диалектическую совокупность его подсистем: подсистемы жизнь; подсистемы тело; подсистемы рабочая сила и подсистемы продукт труда. Поэтому чрезвычайно важным является и чрезвычайно продуктивным окажется детальный анализ взаимоотношений людей в процессе их общественной жизни именно на уровне этих конкретных подсистем.

Появлялась у членов первобытного племени в процессе обмена веществом с природой потребность в защите от неведомых темных сил дикой природы. И, до поры, каждый защищал свою душу сам, как мог. Но, со временем, появилась особая разновидность такой защитной деятельности в совокупном общинном труде – шаманская деятельность. И некоторые субъекты общины стали субъектами этого специального труда, стали шаманами, впоследствии языческими и религиозными жрецами. И стали новыми посредниками в человеческом обмене с природой. И все вместе затвердили в привычках, обычаях, канонах специальный фрагмент (комплекс) отношений по поводу этой мифической духовной защиты и обмена ее на реальные продукты труда других членов общества. И, тем самым, само-выделили, возможно самый первый элемент зарождающейся **системы распределения** в племени и общине.

Существовала в процессе обмена веществом племени и природы (в процессе жизни) потребность в физической защите его членов - закрепилась такая специфическая защитная деятельность, как особый род занятий в племени. Стало привычным, нормальным, обычным иметь в племени вождя и его воинское окружение. Закрепилась и система отношений обмена между этой частью соплеменников и остальными членами племени. Стала воспроизводиться и такая специфическая **система распределения** совокупного продукта племени, как распределение по поводу воинской охранной деятельности.

Точно также не свалилась с небес и не реализовалась на практике из чьих-то теорий и вся целостная система рабовладельческих отношений в обществе и ее подсистема рабовладельческого распределения.

Более сильный защитник, более удачливый воин побеждал в очередной схватке более слабого врага и ставил того, в «обстоятельствах непреодолимой силы», перед выбором. Или остаться самостоятельным свободным человеком и, через миг, умереть, лишиться жизни во всей целостности своих жизненных подсистем, перестать обмениваться с природой. Или остаться живым, но, лишиться свободы и самостоятельности во всех проявлениях своей жизни, отдать все собственные правомочия в отношении своей жизни своему хозяину, находиться в его полной власти над всеми этими жизненными подсистемами! Ну чем плох выбор? Умираешь сразу или живешь в ожидании смерти в любой момент и по любому поводу! Ну чем не обмен?

Отдаешь все свои имманентные права на самого себя рабовладельцу (в том числе и право и обязанность защищать самого себя) и получаешь на неопределенный срок возможность обмениваться веществом природой теперь уже только до того времени и в таком объеме и характере, которые определяет твой полноправный собственник. И продолжать, может быть, жить под его защитой.

И, ясно, что выбор делался. И неоднозначный. И тем, кто выбирал жизнь приходилось привыкать к тому, что собственником всех их подсистем становился рабовладелец, а сами же они прекращали быть собственниками всего. И у обеих сторон таких отношений и такого обмена правомочиями они входили в привычку, в обычай, в нормы поведения, в законодательные нормы государства. И порождали соответствующие рабовладельческие производственные отношения и **рабовладельческую систему распределения**, в первую очередь, между возникшими в обществе первыми антагонистическими классами рабов и рабовладельцев. И рассматриваться такая система рабовладельческого распределения должна, как специфическая **форма обмена** между человеком и природой при посредничестве других людей. Первая классовая форма общественного обмена через рабовладельческое распределение.

Позднее, в эпоху феодально-крепостнических отношений, подсистема жизни человека была выведена из объектов обмена между различными членами общества. Теперь одной части членов общества было **запрещено законом** право лишения жизни других людей, членов другой части общества, в процессе, так сказать, осуществления своего обмена веществом с природой (раба, если он, так сказать, так или иначе, мешал этому обмену –портит настроение рабовладельцу, например, убить было можно; крепостного - нельзя). Но как зарождался, как созревал этот запрет? По велению небес? В результате нового прочтения какого-либо древнего или футуристического писания? Отнюдь. Просто некоторым, а, со временем, и многим рабовладельческим субъектам рабовладельческих процессов обмена и распределения стала понятна экономическая нецелесообразность умерщвления тех, кто мог бы еще, посредством избиения батогами и кнутами или выдавливания колами, долгое время жизни выполнять столько полезной работы и производить столько полезного продукта к удовольствию (пусть несколько меньшему, из-за невозможности, при желании, убить) своего теперь феодального хозяина.

При феодальных отношениях между помещиком и крепостным тоже происходил **обмен**. Да тоже не абсолютно равноправный! Но уже, более «демократичный», чем при рабовладении. Крепостной обменивал свое право на жизнь, теперь уже до «естественной» смерти (сколько дадут бог, помещик, его управляющий и конюх) и право на свою опеку и защиту помещиком от посягательств других людей на утрату прав на свое тело, свою рабочую силу и продукт своего труда (частичную утрату, как мы покажем в разделе о собственности на средства производства). Считалось, что крепостному для успешного самостоятельного ведения хозяйства не хватает ума и знания агротехники, в той мере в которой этими факторами обладает просвещенный помещик. И помещик брал на себя «бремя» хозяйственного и бытового управления крепостным. И право распоряжения его нескладным телом посредством телесных наказаний, и право «утонченного» распоряжения телом его молодой жены (по праву «первой ночи») и неэффективной рабочей силой. А, в обмен, накладывал на крепостного «право» тяжелого труда на барском поле от зари и до зари и «право» отдавать помещику большую часть произведенного продукта.

И, конечно, этот обмен не был свободным. И, конечно, кого-то из крепостных такой урезанный остаток прав не устраивал, и они пускались в бег. Но, так или иначе, из первых единичных и все более частых экономических экспериментов превращения рабов в крепостных складывалась все более и более обширная практика. Формировалась общественная традиция.

Писались законы. И новые соотношения правомочий человека складывались в систему господствующих производственных отношений. И в совокупных общественных отношениях обмена веществом людей и природы утверждались новые посреднические отношения феодального обмена-распределения.

В капиталистической формации из «посреднических» прав «оказания услуг» феодалов крепостным крестьянам в их процессах обмена веществом с природой были изъяты правомочия владения, пользования и распоряжения телом крепостного и право владения его рабочей силой. Правомочия на структурные подсистемы человека были «обменены» капиталистом и наемным работником следующим образом.

Наемный работник теперь был владельцем своей жизни, своего тела и своей рабочей силы. Мог распоряжаться своей рабочей силой в форме выбора своего возможного работодателя, капиталиста, в форме технических правомочий распоряжения своей рабочей силой и средствами производства своего рабочего места.

Капиталисту «доставались» все права на самого себя, а также право распоряжения в господствующей форме рабочей силой наемного работника после ее покупки на рынке труда и право владения, пользования и распоряжения всем продуктом труда, созданным наемным работником. И фиктивная «ответственность» за обеспечение наемного работника средствами труда и заработной платой (не нравится – увольняйся).

Процесс капиталистического обмена правомочиями стал еще более «справедливым». Капиталист не мог причинять наемному работнику рукоприкладство и телесные наказания, а за полученные на производстве травмы и утрату трудоспособности получал некоторые денежные компенсации. Несчастливого капиталиста даже лишили права узаконенных сексуальных домогательств. А наемный работник, в исключительных обстоятельствах, сам мог стать собственником мелких средств производства, организовать свое «дело» и заняться эксплуатацией чужой рабочей силы.

Такой капиталистический обмен правомочиями со временем стал считаться предельной формой «демократизации» отношений обмена правомочиями людей на свои жизненные подсистемы, вершиной социального устройства общества. А порожденные капиталистическими производственными отношениями отношения капиталистического обмена-распределения совокупного продукта – венцом капиталистического потребительного общества.

А всегдашние несогласные с таким обменом властных полномочий теперь уже могли никуда не убегать, а свободно искать другого работодателя и другие условия продажи своей рабочей силы и отказа от права собственности на продукт своего труда.

В ходе такого, почти тезисного, рассмотрения предпосылок, процессов зарождения и характера отношений распределения в различных социально-экономических формациях мы можем прийти к твердому убеждению в том, что отношения распределения в обществе являются производной (дочерней) формой существования и развития отношений обмена полномочиями, правомочиями на подсистемы человека различными членами общества, субъектов производственных и общественных отношений.

Тот факт, что условия этих отношений обмена полномочиями всегда оказывались и в капиталистическом обществе продолжают оставаться неравноправными, специфически силовыми не может быть основанием для возражений по поводу обменной природы отношений распределения. В самом деле, в дикой живой природе, из которой и произрастают

все общественные отношения человека, обмен с природой, например, хищных животных также носит исключительно силовой характер. Ведь не спрашивает же никто, например, у косяка сельди согласия быть потребленным китом-касаткой. И здесь систематическое, системное поедание касатками сельди есть своеобразное системное всеобщее распределение вещества в обмене последней с природой. А судьба каждой отдельной сельди в этом процессе обмена есть случайный обмен обоюдными «правомочиями» жизни и смерти.

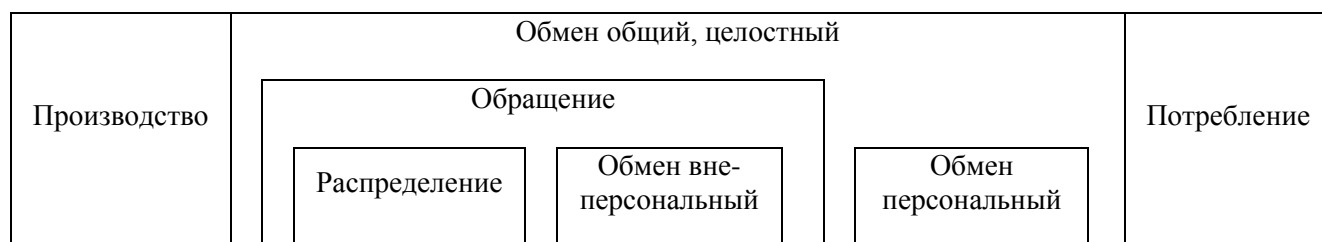
Таким образом, в самом общем виде **обмен можно определить, как процесс-состояние существования субъект-объектных и субъект-субъектных отношений во всеобщем процессе общественного воспроизводства.** Как процесс перемены субъектов и объектов собственности. Этот общий процесс складывается из гигантской совокупности единичных актов обмена во всех сферах хозяйственной деятельности общества. Этот общий процесс обмена охватывает, как многие видели и ранее, и процесс обмена и процесс распределения деятельностью в семейном хозяйстве, и процесс обмена и распределения продуктами при крепостническом производстве, и процесс обмена товарами в капиталистической формации. И он же включает соответствующие системные пласты отношений обмена правомочиями на жизненные системы людей в рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациях, закрепляемых в системах распределения на общественном уровне.

При сформулированном выше подходе становится совершенно однозначным и понимание места и роли **отношений обращения** в обществе. Ведь до сих пор мы анализировали все совокупные отношения обмена, связанные с жизнью каждого данного конкретного человека. Но не менее количественно грандиозные отношения реализуются в обществе, не вовлекая в них непосредственно данного конкретного субъекта. Поэтому такие внешние по отношению к каждому данному человеку совокупные отношения обмена приобретают для него и нас характер субъект-объектных и субъект-субъектных отношений **обращения**.

Таким образом, **обращение есть обмен, осуществляемый без участия данного конкретного субъекта, вне него, между другими субъектами и объектами обмена.**

Наконец, мы можем подвести некий итог нашего анализа и представить в виде таблицы инновационную схему строения фаз совокупного общественного воспроизводства.

Таблица 2.

Здесь между производством и потреблением мы расположили фазу общего, целостного обмена, который включает в себя:

- а) обмен персональный, заключающийся в покупке персональным человеком объектов своего непосредственного потребления на деньги, доставшиеся ему в виде вознаграждения за участие в процессе общественного воспроизводства;
- б) обращение, включающее в себя обмен вне-персональный (внешний по отношению к каждому конкретному человеку) и распределение, и представляющее собой все формы обмена, за исключением обмена персонального.

При таком утверждении места и роли общего обмена в процессе общественного воспроизводства принципиально иной, чем в марксистской теории должна быть и экономическая политика общества. Если, по теории Маркса, после производства важнейшей фазой общественного воспроизводства было распределение, то и в экономической политике (посткапиталистического) общества должен был существовать приоритет в пользу всесторонней и масштабнейшей системы распределения совокупного общественного продукта. А обмену оставлялась третьестепенная роль.

В результате, например, расположенное в пригороде Тулы предприятие общепита (рабочая столовая) снабжалась (с известными издержками и трудностями) продуктами по раскладкам и разнарядкам, составленным в столичном ОРСе (отделе рабочего снабжения), из поставок от сельхозпредприятий Московской области. А для осуществления экономически более эффективных прямых поставок от предприятий Тульской области администрации необходимо было предпринимать, поистине, героические усилия, по согласованию вопросов в самых высоких областных и ведомственных инстанциях.

Совсем иной должна быть новая экономическая политика посткапиталистического, подлинно социалистического общества.

Поскольку теория социализма 2.0 определяет первичность (после производства) процессов общего обмена в обществе, постольку она же должна исследовать историческую динамику общественных процессов обмена, выявить в ней тенденции и закономерности и предложить механизмы дальнейшего движения общества по направлению этих трендов.

Поскольку процессы общего обмена в обществе всегда происходят, с одной стороны, на некотором общественном пространстве (в государстве, регионе, на биржевой площадке, на территории городского или микрорынка), постольку, с другой стороны, они же всегда происходят, как и все в этом мире, во времени, на протяжении некоторого времени, постольку и складывается новое диалектическое определение рынка в политической экономии.

Рынок есть пространственно-временное поле реализации отношений обмена в обществе.

Поскольку обмен, согласно Энгельсу, есть вечное условие жизни человека и общества, постольку и рынок, рыночный обмен, общий обмен на рынке есть вечное общественное производственное отношение, характерное для всех исторических эпох и социально-экономических формаций человеческой цивилизации. Только в каждой из них рынок имеет свое количественное содержание и качественное отличие.

Прежде всего это качественное отличие определяется предметностью, объектной сущностью этого рынка, сущностью объектов этого рынка. На рабовладельческом общем рынке обменивался, помимо всех вещественных объектов, и раб, человек в целом, во всем структурном содержании его жизненных подсистем: жизни, тела, рабочей силы, продукта труда. На феодальном рынке в качестве основного системообразующего объекта обмена присутствовал уже не «целостный», а частично освобожденный человек в составе систем: тело, рабочая сила, продукт труда. Н капиталистическом – только более свободный человек в составе систем: рабочая сила с продуктом труда.

Капиталистические обменные отношения по сравнению с предшествующими другими достигли колоссальной степени развития. Они осуществляются и между малыми, крупными и наднациональными и надтерриториальными предприятиями, между предприятиями и государством, органами власти и управления, между общественными организациями, между отдельными людьми и людьми и предприятиями, государством и общественными организациями. Даже внутри крупных корпораций, предприятий устанавливаются

технические, технологические и, своеобразные, рыночные отношения обмена. И, все-таки, именно поле предприятия, отношения обмена внутри предприятий ОСТАЮТСЯ, по существу, запретной зоной для рынка. Обмен внутри предприятий по-прежнему осуществляется не продуктами труда всех его работников, а рабочей силой, продуктами деятельности, не получающими оценки **всех** участников индивидуально-коллективного труда, а получающими оценку только со стороны капиталиста и агентов его командно-административной системы. В этом заключается важнейший недостаток совокупной системы оценки трудового вклада в совокупный продукт в капиталистическом обществе. Но в этом есть громадный резерв для дальнейшего развития производительной и обменной сфер деятельности человеческой цивилизации.

Налицо очевидная всемирно-историческая тенденция по последовательному исключению из состава объектов рынка подсистем человека в направлении к конечной системе – продукт труда. Однозначно, дальнейшее диалектическое отрицание капиталистической формации ее «сменщицей» должно развить и продолжить эту тенденцию. Единственной подсистемой человека, обращающейся на социалистическом рынке должны остаться только подсистема «продукт труда» человека. Таким образом, трудящийся человек, прежний наемный работник в социалистическом обществе получит еще один «глоток», еще один уровень свободы. Он станет собственником всех своих жизненных подсистем, включая и подсистему «продукт труда». Он станет самостоятельно обменивать свой, созданный своим частичным (в совокупном общественном) трудом, частичный (в совокупном общественном) продукт.

Ввиду того, что внутри предприятия, организации, учреждения работники обмениваются, как правило, неделимым и неотчуждаемым продуктом, механизмы рыночного обмена внутри таких субъектов будут существенно отличаться от механизмов традиционного рынка между предприятиями. Существенным моментом этого механизма станет систематическое и разовое **непосредственное** (а не в виде бесконечных и бесплодных обсуждений и препирательств в позднее советское время) участие каждого работника в установлении ценности частичного продукта своего и частичного продукта других членов трудового коллектива.

Между прочим, такой, подлинно социалистический рынок обмена частичными продуктами частичного труда в обществе, распространенный, в своих существенных отношениях, и внутри предприятий организаций, учреждений, такой всеобщей рынок обмена в обществе станет, по диалектике перехода количественных изменений в качественные, и высшей формой плановости общества.

Поскольку для реализации права и возможности каждого работающего человека на труд, на продукт своего труда в форме труда и производства продукта именно на тех средствах производства и именно того предприятия, на которых он только и может быть наибольшим по количеству и лучшим по качеству, в подлинно социалистическом обществе каждому работнику будет обеспечен доступ именно на то предприятие и именно к тем средствам производства. Для обеспечения правовой базы функционирования такого всеобщего рынка в подлинно социалистическом обществе будут реализованы отношения индивидуально-коллективной формы общенародной собственности на средства производства общества. Самым существенным отношением такой социалистической собственности на средства производства станет гарантированное и институционально обеспеченное право каждого работоспособного человека трудоустроиться на договорных началах с трудовым коллективом на любом предприятии (с минимальными, предусмотренными законом, исключениями) на любое (с минимальными, предусмотренными законом, исключениями) рабочее место, соответствующее его подтвержденной соответствующими документами и верифицируемой испытаниями профессии и квалификации.

Но все это уже тема отдельного разговора.